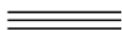

Андрей
ВОЛОС

ШАПКА
ШПАКОВСКОГО

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Иллюстрация на переплете *Варвары Терещенко*

Волос, Андрей.
В68 Шапка Шпаковского : [роман] / Андрей Волос. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Суд-
ные дни. Проза Андрея Волоса).

ISBN 978-5-04-090810-3

В один прекрасный день Иннокентий Догавцев, он же Семен Сухотруб, популярный автор саги о шпионе Генералове, понял, что больше не может, — и убил героя, который много лет кормил своего создателя. Душевный порыв вышел Иннокентию боком: писатель попал в центр жизни, где его бравый персонаж обычно побеждал, но реальность оказалась не похожа на его прозу... Сатирический роман Андрея Волоса если и преувеличивает окружающий абсурд, то совсем ненамного.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Волос А., 2018
© Терещенко В., илл., 2018
ISBN 978-5-04-090810-3 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

*Бродят бешеные волки
по дороге скрипачей.*

Николай Гумилев

1

Я сунул ноги в тапки, а когда вернулся, почистив зубы и совершив на сон грядущий некоторые иные дела, на экране мелькала реклама: мчались лаковые автомобили, на ходу превращаясь в гепардов и обратно, плясали девушки, призывно маша прокладками, лились в стаканы молоко и сок, дети пищали что-то насчет дедушек, вкладов и пенсионных фондов. Под все это дребезжание я разостлал постель. Когда появился диктор, сообщивший, что сейчас еще на мою голову выступит какой-то депутат Рюшкин, я выключил телевизор, погасил лампу, лег и укрылся одеялом.

Главное теперь было — не думать о Генералове. Теоретически я, как всякий нормальный человек, мог бы рассчитывать, что на зыбкой границе сна и яви меня посетят какие-нибудь важные мысли. О любви, о тех проблесках счастья, что случались в прошлом и, возможно, ждут меня в будущем. На крайний случай — о деньгах, об этой магической субстанции, похожей, как верно сказано, на что-то вроде шестого чувства, без которого первые пять почти ничего не стоят.

Но в последнее время, когда дело, судя по всему, обернулось неврозом, я мечтал лишь о том, чтобы не начать думать о Генералове. Потому что после мыслей

о Генералове я или вовсе оказывался не в состоянии уснуть, или погружался в тягостную путаницу снов с его участием.

Я повернулся на другой бок и закрыл глаза.

* * *

Было темно и тихо. Но вот что-то прощуршало в углу. Пришлось на секунду выплыть из дремы... Нет, это просто ветер. Просто ветер... А едва видимое мерцание — отблеск фонарного света. Все хорошо... Что-то хрустнуло. Показалось? Или на самом деле? Веки, скованные сном, не хотели разлипаться. Что это могло быть? Ничего... Все тихо. Вот опять! Я раскрыл глаза и сел. Окружающее затянуто багровым туманом, сердце бешено колотится, тоска сжимает грудь, мысли прыгают как белки — и каждая о том, что дело идет к ужасной катастрофе.

Да, да: потому что какой-то негодяй направил на Генералова ствол штурмовой винтовки М16, и, судя по выражению его злобной рожи, до выстрела оставались считанные мгновения.

— Lay down arms!¹ — закричал подлец, и вся его фурункулезная физиономия гадко скривилась.

— Где ты видишь у меня оружие, болван? — поинтересовался Генералов.

Действительно, оружия у него не было. Высокий, широкоплечий, с рельефной мускулатурой полковник стоял у широкой кровати в чем мать родила. Он едва прикрывал срам какой-то тряпкой — кажется, спортивными трусами фирмы Versace. Из постели, частич-

¹ Стоять! Брось оружие! (англ.)

ШАПКА ШПАКОВСКОГО

но заслонив наготу простыней, смотрела писаная красавица. Ее умные глаза были расширены от страха за Генералова.

— Ах, у тебя нет оружия?! — глумливо изумился говорез. — Но если думаешь, что я не смогу убить безоружного, то ты ошибаешься, проклятый русский! Good bye!

Он начал нажимать на спусковой крючок.

Однако Генералов уже прыгнул с места вперед, подобно разъяренному барсу. Наплевав на приличия и отбросив трусы, он схватился обеими руками за направленный на него ствол и, совершив нечеловеческое усилие, отчего красивые черты его честного, осененного глубокой мыслью строгого лица на мгновение исказились, согнул стальную трубу пополам, как иной обошелся бы со свежим багетом или сосиской.

Ба-бах!

Пороховые газы, не найдя выхода через загнутый полковником ствол, разнесли затвор штурмовой винтовки М16, и убитый наповал мерзавец молча повалился на пол, напоследок громко шлепнув по паркету ладонями.

— Видишь, земля, как оно бывает, — сказал Генералов, бросая изуродованную винтовку на труп врага. — На-ка вот, разогни — и больше не загибай!..

* * *

Я дернулся — и на самом деле раскрыл глаза.

В комнате было темно и тихо. Издалека доносилось немолкнувшее подвывание бессонного проспекта.

Я со стоном повернулся, потянулся к столику, отпил воды.

Поставил стакан на место.

Натянул одеяло.

Проклятье!

Эти сны меня просто добивали. Мало того, что я боялся засыпать. Мне уже стало казаться, что они и среди бела дня кружат вокруг, дожидаясь, когда я наконец лягу, погашу свет и закрою глаза, чтобы тут же навалиться на мой несчастный мозг всей своей совокупной бредятиной.

Все потому, что я должен был сочинять приключения Генералова, придумывать новые и новые переплеты, в которых он смог бы проявить свои феноменальные способности и с честью выйти из очередного положения, кажущегося, как и все прежние, совершенно безысходным.

На седьмом году бесконечной возни ресурсы творческой энергии были мной хищнически исчерпаны. Сознание, заряженное на измышление свежих фантазий, днем только бесплодно мучилось, а ночью беспорядочно искрило, будто неисправный электромотор, и не давало покоя идиотскими снами.

Короче говоря, в один прекрасный день я понял, что больше не могу. И что мне придется его убить, а не то он сам вгонит меня в гроб.

Но уже в тот момент, когда мной принималось это окончательное, не подлежащее обжалованию решение, я понимал, что исполнить приговор будет не так-то просто.

Мне некого было в этом винить: ведь я, подобно Франкенштейну, взрастившему чудовище, своими собственными руками создал этого монстра. Лепя в свое время чеканный образ полковника Ивана Генералова,

ШАПКА ШПАКОВСКОГО

я старался не за страх, а за совесть. Мне отчаянно хотелось сделать его таким, чтобы он ни в воде не тонул, ни в огне не горел. По моему замыслу, ему предстояло быть живучим как кошка и стойким как молибденовая скала. Я не думал о возможных последствиях, я лишь пылал страстным нетерпением и желанием удачи — и отливал своего героя в формах, надежность которых на протяжении веков тысячи раз проверялась моими литературными предшественниками.

Я добился своего.

Смелый, сильный и веселый ветеран спецслужб оказался совершенно неуязвим. Он с честью прошел все горячие точки мира и участвовал во множестве секретных операций. Завоевав звание мастера по многим видам спорта, полковник без промаха стрелял из любого положения. А уж как владел приемами рукопашного боя, так насчет этого можно и не распинаться — блестяще владел, неподражаемо, лучше всех.

При этом он вовсе не производил впечатления тупого механизма, которому раз и навсегда заданная программа позволяет лишь махать руками и палить изо всех видов оружия. Ничего подобного: духовной стороне жизни моего героя тоже всякий бы позавидовал. В частности, на досуге полковник музицировал (одинаково блестяще владея как скрипкой, так и большой концертной балалайкой) и не без успеха пробовал силы в станковой живописи. Если же говорить о стихосложении, то оно оставалось его любимым способом убийства свободного времени еще со времён учебы в танковом училище.

Столь впечатляющий букет необыкновенных качеств иного непременно заставил бы возгордиться и задрать нос. Но полковник Генералов оставался прост и по-

человечески понятен. Он сохранял легкость в общении, а задорность характера позволяла ему никогда не терять присутствия духа и буквально в шаге от гибели отпустить шутки, ставшие чем-то вроде его фирменного клейма: в мире бульварной литературы с легкой руки Жени Магнатулина их так и называли — «генераловские».

Естественно, мужчина такого калибра не мог не привлекать женского внимания. На нем гроздьями висли красавицы, но ни с одной из них он не позволял себе сколько-нибудь серьезных отношений. Его кованый образ завершали трогательные черточки, позволявшие догадаться, что в крепком теле Генералова бьется простое человеческое сердце, живет чистая и любящая душа: что бы ни случилось, полковник оставался верным мужем и заботливым отцом. В бумажнике лежали фотографии близких, и подчас на дальних рубежах он находил минуту, чтобы всплакнуть над ними скупой, крутого замеса мужской слезой. Когда же костлявая, не добившись своего и скрежеща зубами в бессильной злобе, снова была вынуждена отступить, победитель возвращался не с пустыми руками: дочке вез плюшевого медведя, жене — фрагранс из довольно интимных...

И вот, когда вся эта слащавая чушь надоела мне хуже горькой редьки и я наконец-то решил от него избавиться, оказалось, что у меня не выходит.

Я угрызался и горевал. Я винил себя в том, что мне недостает настоящей мужской решительности. Другой бы рубанул не глядя — а я все колебался и прикидывал: так лучше сделать или этак? В результате, поскольку, с одной стороны, желание покончить с ним не оставляло меня ни днем, ни ночью, а с другой — довести дело до конца единым махом не хватало куражу, я, как

ШАПКА ШПАКОВСКОГО

говорится, приплясывал на угольках, проводя время в беспрестанных и мучительных сомнениях.

Как это происходило? Очень просто. Вот, например, после долгих раздумий я окончательно останавливался на охотничьем ноже. Так я, во всяком случае, думал: окончательно. Ведь и впрямь отличный выбор: хороший такой нож, вроде финского — ухватистая роговая ручка, обушок чуть скошен. Замечательный нож, надежный, много чего повидавший на своем веку и вполне подходящий для совершения задуманного. И что же? Вместо того чтобы тут же пустить его в дело, я медлил, в сотый раз вхолостую оценивая плюсы и минусы принятого решения.

А ведь если не послушался первого импульса, если дал себе время задуматься, пиши пропало: с каждым часом амплитуда колебаний увеличивается, размах набирает силу. Скоро выбор, казавшийся столь удачным, превращается в свою противоположность. На смену ножу приходит мысль о пистолете. В первые секунды она (теперь уже она!) представляется как нельзя более выигрышной. Даже удивляешься, почему отверг ее ранее... Еще через день пистолет сменяется удавкой, удавка — автомобильной катастрофой, катастрофа — падением с крыши небоскреба... а еще через два или три столь же холостых хода ты возвращаешься к тому, с чего начал: к охотничьему ножу с надколотой роговой ручкой и заметно подлизанным долгой жизнью лезвием.

Особенно мучительно бывало ночью. Я лежал без сна, разглядывая белесые полосы фонарного света, проникавшего в прореху неплотно задернутых штор, ворочался, сбивая простыни, и снова и снова воображал, как это случится. Если удавалось ненадолго задремать,

наваливалось то, о чем я уже говорил: вся эта дикая и натужная фантастика, какой не было и не могло быть в реальности. Страшные сказки так душили меня, будто я сражался с Генераловым на самом деле. Он являлся мне то большим, как гора, с каким не то что сладить, а и просто взобраться до макушки было бы затруднительно; то с ног до головы объятый пламенем и дымом, из которых слышались раскаты его вулканического хохота. Сияясь вырваться из липкого кошмара, я с ужасом понимал, что с порожденным мной монстром уже ничего нельзя сделать, он сам с кем угодно сделает что захочет...

Впрочем, возможно, я слишком уж грешу на свою нерешительность. Были и некоторые деловые соображения, вынуждавшие меня медлить.

Во-первых, я давно более или менее достойно жил на генераловские гонорары и привык к такому положению вещей. Было неприятно осознавать, что с гибелью полковника золотой ручеек если не совсем иссякнет, то, во всяком случае, неминуемо утратит былую полноводность. С одной стороны, я страстно жаждал гибели полковника, с другой — вздыхал и огорчался: в литературном мире пенсии по потере кормильца не назначают, в случае его безвременной кончины мне придется искать иные источники существования. Но с этим я смирился: ничего не поделаешь, пока проживу на переиздания, а там видно будет. Все было окончательно и твердо решено, отступить я не собирался. Свобода стоила жертв.

Кроме того, лихой полковник давно и крепко завоевал читательские сердца. Существовал целый фан-клуб его имени. Члены клуба носили значки с портретом своего любимца (каменная рожа с обложки четвертого не

ШАПКА ШПАКОВСКОГО

то пятого тома на жестяном кругляше), и, чтобы поделиться впечатлениями от прочитанного, раза три в год собирались в одной районной библиотеке, при которой мой давний приятель Лева Верхоглядов вел литературную студию. Я под разными предложениями уклонялся от настойчивых приглашений на эти нелепые заседания, но издательство «Варган» считало деятельность клуба «Генералов» важной частью рекламной кампании. Так что при выходе очередной книги я всякий раз был вынужден убить два часа на выслушивание восторгов моих почитателей. Вернее, почитательниц: мужчин Генералов пленял в гораздо меньшем количестве, нежели женщин. Я понимал, что, когда последний по времени роман на самом деле станет последним, обширной генерации поедателей макулатуры, подсевшей на полковничье обаяние, предстоит испытать глубокое разочарование. Однако, честно говоря, мне не было дела ни до глупых переживаний поклонников Генералова, ни до их чаяний.

Гораздо больше значило то, что суматошная жизнь моего персонажа приносила хорошие барыши владельцу «Варгана» — Жене Магнатулину. Чтобы смириться с невосполнимой утратой, ему потребуется известное мужество... Но я вправе был рассчитывать на его снисходительность, надеялся, что он войдет в мое положение: все-таки мы с ним давно знали друг друга и, в сущности, были друзьями.

* * *

На последних страницах романа «Свирепый: Последний взгляд» я с замиранием сердца исполнил сюжетный ход, подведший под жизнь смельчака жирную черту.

Собственно, не так уж я был и виноват. Генералов и раньше рисковал собой напрапалую. Он и прежде частенько (в среднем по три раза на том) попадал в разного рода неприятные ситуации. То ему на голову падал строительный кран, то его подводная лодка камнем шла ко дну Марианской впадины, то снежная лавина смахивала смельчака с ледника Федченко. А уж из того количества свинца, что приняло стальное тело героя, удалось бы отлить грузил на целую рыболовецкую бригаду. В сущности, страшная смерть Генералова была всецело предопределена нездоровым образом его жизни, а потому я, наколачивая последние абзацы, более или менее успешно гнал от себя угрызения совести.

Где-то между Кельном и Брюсселем мне удалось разогнать поезд *Thalys* до скорости более трехсот пятидесяти километров в час. Сошлись и кое-какие дополнительные обстоятельства: спешка, необходимость стряхнуть «хвост», билеты на вечернее представление в *Opéra Garnier*, перспектива ужина с прелестной смуглянкой, тайная принадлежность которой к Ми-6 несколько не вредила явному очарованию ее внешности. Дело решила кожаная подошва ботинка *Bartini*: призванная, по мысли изготовителя, элегантно скользить по паркету бальной залы, она самым роковым образом скользнула по мокрому бульжнику.

При встрече сначала с головной частью локомотива, а потом и с его колесами Генералова разнесло в пух и прах. Всегда прежде находились врачи, готовые ловко извлечь из него все лишнее, а при необходимости и приштопать недостающее. Однако на этот раз не то что сшить, но даже хотя бы вчерне понять, что к чему

ШАПКА ШПАКОВСКОГО

в этой антисанитарной куче, некогда бывшей отважным полковником, уже не представлялось возможным.

Как ни смешно, но, поставив последнюю точку, я, честное слово, едва не прослезился. Вот она, двойственность человеческой природы! Ведь опротивел до предела — как говорится, лучше с жабой целоваться. Надоел хуже горькой редьки, осточертел, не чаял я от него избавиться, давно и с вожделием предвкушал скорое прощание... а вот поставил теперь точку, и мне стало его жалко. Как ни крути, а за годы совместной работы мы сжились друг с другом. Даже, можно сказать, сроднились. Откинувшись на спинку кресла, я уставился в монитор, давно уж мерцавший звездами скринсейвера. Я воображал, что было бы, встретиться мы наяву. Сошлись бы? Подружились? Или, напротив, Генералов стал бы презирать меня за физическую неполноценность?.. А сам я втайне называл бы полковника дуболомом? Как знать, как знать...

Я долго еще сидел, прикидывая, как теперь закруглить дело, подобрав все концы. Следовало, вероятно, написать эпилог. Пробежаться в нем по всем написанным сюжетам. Собрать главных персонажей — точнее, главных из второстепенных — у могилы. Жена, дочь... Опять же, скупая, крутого замеса слеза боевого товарища. Сопли здесь не помешают. А напоследок — что-нибудь оптимистическое. Типа закатный луч озарил стволы деревьев. Лучше бы, конечно, «рассветный луч». Но похороны в такую рань трудно себе представить... И пусть вдова признается боевому товарищу, что она ждет второго ребенка. Она уверена — это будет мальчик. Тот утрет слезу, просветлеет, поздравит. И выразит уверенность, что парень пойдет по стопам